

Ольга Соколова
Институт языкознания РАН
olga.sokolova@iling-ran.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

Olga Sokolova
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
olga.sokolova@iling-ran.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

КОНЦЕПТ *МИР*
В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА*
CONCEPT OF *PEACE*
IN THE POETIC LANGUAGE OF VELIMIR KHLEBNIKOV

В статье исследуются словотворческие эксперименты Хлебникова, связанные с созданием неологизмов с компонентом **mir*, которые частотны в его творчестве. Рассматриваются разные подходы к этимологии имени *Велимир* и предлагается дополнительная интерпретация его имени как сложного слова, своеобразие которого заключается в начальной позиции глагольного компонента в грамматической форме императива, что позволяет выявить, с одной стороны, воздействующую, каузирующую, а с другой, эвристическую функцию его имени. Это связано с тем, что имя-творчество является частью эстетической программы поэта, в которой он сам выступает в роли и ономотета, и «эвриста»-интерпретатора. В статье предлагается систематизация единиц с компонентом **mir* в зависимости от их семантической и прагматической специфики. Были выделены следующие группы единиц: «твори-мир» с идеей преобразования мира, «все-мир» с идеей единения мира, «Я-мир» с идеей антропоморфизации мира, «текст-мир» с идеей метаязыковой организации мира и «мера-мир» с идеей мира как равновесия и эталона. Систематизация этих единиц позволила выявить широкий спектр новых значений слова *мир* в творчестве Хлебникова.

Ключевые слова: полисемия, неологизация, сложные слова, императивы, поэтический авангард, Хлебников.

This article analyses Khlebnikov's experiments in word formation involving neologisms with the **mir* ('peace' and 'world') component, which appear with exceptional frequency in his works. The study considers various approaches to the etymology of the name

* Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-20250001, поддержанного Министерством образования и науки РФ.

Velimir, offering an alternative interpretation as a compound whose distinctive feature is the initial position of the verbal component in the imperative form. This grammatical feature highlights the dual function of the name, which is both agentive and causative, and heuristic. This interpretation reflects Khlebnikov's broader poetic project, in which he presents himself as both a name-giver and a heuristic interpreter of the name. The article classifies *mir*-based formations according to their semantic and pragmatic specificity. The following groups emerge: "Create-mir", which expresses transformation and intervention; "All-mir", which denotes universal unity; "I-mir", which emphasises anthropomorphisation; "Text-mir", which points to the metalinguistic structuring of the world; and "Measure-mir", which links *mir* to notions of balance and standard. This classification reveals a wide spectrum of new meanings associated with the word *mir* in Khlebnikov's poetics.

Keywords: polysemy, neologisms, compound words, imperatives, poetic avant-garde, Khlebnikov.

Введение

Поэтика Велимира Хлебникова строилась на соединении двух векторов: футуристического, устремленного в будущее через неологию и словотворчество, и архаистического, направленного в историю языка. Поиски «вселенского», «звездного» языка как одного из ключевых теоретических и экспериментальных проектов в его поэтической системе основывались на воссоздании утраченной культурно-исторической целостности человечества, возможном через возрождение «общеславянского языка» и создании «заумного языка», являющегося одновременно и праязыком, и «грядущим мировым языком в зародыше» (Хлебников 2005: 175). Несмотря на заявление о создании языка, «общего всей звезде, населенной людьми» (Хлебников 2002: 276), его языкотворчество было основано преимущественно на отборе общих корней славянских языков¹.

Панславизм, в самом широком смысле, был духом времени во многих славянских странах в XIX и в начале XX в., что оказало большое влияние на раннее творчество Хлебникова, начавшееся «под славянским знаком» с многочисленных деклараций, статей и художественных текстов, посвященных этой идее (Парнис 1976: 225).

Языковые эксперименты Хлебникова в области возрождения этимологических связей с целью создания универсального языка, предназначенного для всемирного общения, могут быть проанализированы на примере единиц с элементом **mir*, который стал мотивирующей основой для большого количества неологизмов в его творчестве. По данным *Словаря неологизмов Велимира Хлебникова* Н. Н. Перцовой (1995), насчитывается около 70 неологизмов с элементом **mir*, что говорит о высокой продуктивности этой основы для его поэтического языка.

Специфика семантики слова *мир* в современном русском языке связана с тем, что оно считается двумя словами, омонимами: 1) мир — вселенная; 2) мир — покой.

¹ О проекте «универсального» языка Хлебникова в общеевропейском и американском контексте см. [Соколова 2015; Соколова 2024; Sokolova, Feshchenko 2024].

Обратимся к словарным значениям: *мир*¹ (дореформ. *миръ*) 1) 'отсутствие вражды, войны', 2) (полит.) 'то же, что мирный договор', 3) 'состояние спокойствия, покоя, согласия' (*Наступил душевный мир; Мир вам; Мир дому сему*); *мир*² (дореформ. *миръ*) 1) 'вселенная, система мироздания', 2) 'планета Земля', 3) 'человеческое общество как единство, характеризующееся определенным общественным строем, культурными и социально-историческими признаками' (*Античный мир*), 4) 'окружающее кого-л. общество; люди' (*мир взрослых, театральный мир*), 5) (устар.) 'народ, сельская община', 6) по религиозным представлениям: 'все, что создано Богом' (*Мир Божий*); 'все, что относится к потусторонней, неземной жизни' (*Другой мир*) [БТСРЯ].

Однако, как подчеркивает Ю. С. Степанов, «все эти различия возникают <...> довольно поздно», «вообще же, соединение двух рядов представлений — Вселенная и Согласие в одном исходном концепте постоянно встречается в культуре» (Степанов 1997: 86).

Сравнивая разные славянские языки, о трех значениях слова *мир* в старославянском, русском и польском языках пишет В. Н. Топоров, выделяя 1) (лат.) *pac*, 'спокойствие', 2) (лат.) *mundus*, 'Вселенная' и 3) социальное значение: институализированная форма социальной жизни крестьянства — общину, крестьянский мир (Топоров 2006: 16–17). Подчеркивая продуктивность модели образования слов с компонентом **mir*, В. Н. Топоров составляет корпус онимов, в который входит более 300 славянских личных имен и топонимов и делает вывод о том, что они выступают в качестве свидетельства антропоцентричности понятия "мира" в представлении древних славян (Там же).

Эти идеи, лежащие в основе славянской мифопоэтики, оказались важны и для Хлебникова, в творчестве которого **mir* не только становится продуктивной основой для неологизмов, но и выступает мотивирующей базой для множественных онимов, и прежде всего, имени самого поэта. При этом имянаречение в его творчестве позволяет говорить об интериоризации, или антропоморфизации, *мира* с помощью вовлечения этого слова в процесс авторского словотворчества.

Автоимьянаречение как миротворение: *Велимир*

Хотя практика создания псевдонимов представляла собой распространенную имиджевую стратегию среди поэтов и писателей, особенно в контексте идей «жизнетворчества» начала XX века (ср. псевдонимы Андрея Белого, Василиска Гнедова, Максима Горького), выбор имени *Велимир* определялся не только эстетическими, но и философскими основаниями. Он соотносится с поэтической концепцией, основанной на языковом эксперименте, который был ориентирован одновременно на синхронный (структурно-смысловой) и диахронный (этимолого-исторический) уровни языка.

Вопрос об этимологии основного псевдонима поэта — *Велимир Хлебников* — неоднократно поднимался в разных исследованиях, но до сих пор остается актуальным для дальнейшего изучения в силу философско-культурологической многомерности эстетических концепций поэта. Подробный список псевдонимов и их модификаций приводит в своей статье А. Е. Парнис (в частности, Велимир, Вели Мир, Велимир Грозный, Веха, Velimir — Ганг Хлебников, Велимир Первый, Волеполк, Свободополк, Словеннега), указывая, что выбор Хлебниковым литературного имени «непосредственно связан с его увлечением южными славянами. С 1909 года он принимает распространенное на Балканах и встречающееся в эпических песнях имя Велимир и, переосмысляя и мифопоэтизируя его, создает свой постоянный литературный псевдоним — Велимир Хлебников» (Парнис 1976: 228). В дальнейшем А. Е. Парнис уточняет, что решение поменять свое «латинское» имя «Виктор» на «балканское» «Велимир» было принято Хлебниковым в 1908 г. (Парнис 2023). Обращаясь к истории создания имени *Велимир*, А. Б. Шишкин ссылается на документы из архива Казанского университета, где в 1903–1908 г. учился Хлебников: «В 1906–1907 г. Хлебников думал отказаться от своего имени и найти себе новое — Владимир» (Шишкин 1996). На возможную мотивацию выбора псевдонима *Велимир* указывал В. П. Григорьев, отсылая к статье Я. Головацкого «Червоннорусская литература» (1871), с которой был знаком Хлебников (Григорьев 2000: 333), где описано образование кружка студентов Львовского университета, целью которого было возрождение галицко-русской литературы: «*Велимиръ* Лопатынскій, *Мирославъ* Илькевичъ, *Богданъ* (Иванъ) Головацкій и другіе» (Головацкий 1871). Еще одним важным документом, о знакомстве Хлебникова с которым пишет Н. Н. Перцова, является «Славянский именовослов» (1867) (Перцова 1995: 58, 144).

Опираясь на концепцию В. Н. Топорова о значимости элемента **mir* для славянских языков, а также учитывая идеи Хлебникова о «всеславянском языке», можно предположить, что выбор псевдонима *Велимир* помимо творческого жеста носил также метапоэтический и авторефлексивный характер, отсылая к универсальному имянаречению, лежащему в основе творения мира².

Описывая «духовный» контекст имени в мифопоэтическую эпоху, В. Н. Топоров указывает, что «само имя было некоей загадкой, призывавшей человека к ее решению, к обнаружению и уяснению того, что в него вложено, сути человека, познаваемой через его имя», а каждый человек, соответственно, становился «эвристом», для которого решение загадки имени означало определение свое сущности (Топоров 2006: 115).

Можно провести параллель между пониманием человека как «эвриста», т. е. субъекта, ориентированного на творческое и продуктивное само-

² Как известно, во многих космогонических мифах мир творится магическим словом: например, в египетской мифологии и в христианстве.

познание, и термином «эвристиема», который В. П. Григорьев вводит по аналогии с «экспрессемой» и «креатемой», как единицу, относящуюся к области эвристики и «эстетико-эвристическому измерению языка»: она соотносится только с «сильными» контекстами, в которых сочетаются лингвокреативные и гносеологические механизмы репрезентации (Григорьев 2006: 680). В имятворчестве Хлебникова совмещаются его лингвистические поиски и языковые эксперименты в области «воображаемой филологии». Это связано с гумбольдтианской идеей языка как «“энергейи”, а не “эргона” (т. е. деятельности, а не продукта)», которая получает для поэта «существенное расширение и одновременно конкретизацию с учетом развития языка как орудия образной мысли и с особым вниманием именно к слову как важнейшему средству собственно поэтической деятельности и всякого творческого отношения к языку³» (Григорьев 2000: 66–67)⁴. Теория Хлебникова перекликается с тезисом о «космогонической маркированности» имятворения с элементом **mir*, который является одновременно речевым актом и сакрализированным действием, «воспроизводящим то, что делалось “в начале”, в “первый раз”» (Топоров 2006: 74).

Развивая идею об эвристической функции имятворчества, можно сказать, что Хлебников сам выступает в роли ономатета, или имядателя, который дает имя, интериоризирует мир в собственное творчество, антропоморфизируя его, и эвриста, который интерпретирует и познает мир через собственное имя. Так, имя *Велимир* становится той эвристиемой, в которой соединяются онтологические, гносеологические и лингвопоэтические особенности лингвокреативного словообразования.

Можно обозначить эту линию движения в поэтике Хлебникова как сближение между «миром-системой», «миром-текстом» и «я-миром». Этот комплекс идей впоследствии получил многочисленные линии развития в его творчестве.

А. Е. Парнис подчеркивал, что вопрос об этимологии и семантике псевдонима поэта «очень интересен и открывает круг идей и тем, которые до сих пор почти не затрагивались исследователями творчества поэта», отмечая разные варианты этимологии имени Велимир, которые дают словарные источники: «как сложение прилагательного (великий) и существительного (мир) и как сложение императива (вели) и существительного (мир)» (Парнис 1976: 228). Хотя с тех пор проблема этимологии поднималась в ряде исследований (Шишкин 1996; Григорьев 2000), вопрос о грамматической форме по-прежнему остается открытым. Опираясь на отмеченные выше исследования этимологии имени Велимир, в настоящей статье

³ В. П. Григорьев рефлексирует по поводу изречения Хлебникова: *Слово — пальцы; слово — лен; слово — ткань.*

⁴ О гумбольдтианской традиции в русской поэзии и в творчестве Хлебникова, а также о связях между лингвистической теорией и поэтическим экспериментом см. (Фещенко 2022). О лингвистических поисках Хлебникова, который «не просто пишет стихи, а создает новую систему поэзии», см. (Бирюков 2025: 86).

мы более подробно обратимся к его грамматической структуре и семантике внутренней формы как основе эвристической концепции имятворчества поэта.

Сам поэт писал свое имя (или псевдоним) через «и десятиричное» *Велимиръ*, что согласуется с продуктивной словообразовательной моделью праславянских имен с компонентом **mirъ*: *Kasi-mirъ* (праслав. **kaziti* ‘портить’, ‘искажать’, ‘уничтожать’), *Ne-mirъ* (праслав. **ne*), *Net(ъ)-mirъ* (‘разжигать’, ‘возбуждать’), *Ob-lo-mirъ* (ср. *мироломец* ‘нарушитель мира’), *Orsti-mirъ* (идея возрастания мира-покоя), *Strado-mirъ* (‘течь’), *Tvori-mirъ* (к праслав. **tvoriti*), *Vorti-mirъ* (ср. *ворочать* (*вертеть*) *миром*)⁵ и т.д.

Хотя такое написание *Велимир* предполагает трактовку элемента **mir*-как ‘mundus’ (вселенная), однако, установка авангардистов на расширение полисемии дает основания интерпретировать имя Хлебникова и остальные его неологизмы с элементом **mir* в обоих значениях. Более того, тенденция к активизации многозначности слова проявляется в добавлении новых значений, которые мы рассмотрим ниже.

Вели-: воздействующая функция императива

Прежде всего, обратимся к первому компоненту имени *Вели-* с точки зрения его грамматической структуры и семантики.

Согласно В. Н. Топорову, формы *Vele-mirъ* и *Veli-mirъ* восходят к праславянскому **velēti*, продолжением которого в др.-рус. и ст.-сл. языках является глагол *велѣти* ‘приказывать’, ‘хотеть’, ‘желать’, ‘позволять’. Данный глагол помимо значения ‘желать, хотеть’ имеет семантический оттенок ‘физически и/или психологически воздействовать, дабы осуществить желание, волю’ (сравн. *приказывать*). В *Словаре* В. И. Даля глагол *велеть* зафиксирован со значением ‘приказать, указать, наказать; объявить чью-л. волю’ (Даль онлайн). Таким образом, имя *Велимир* выражает идеи ‘велит миру’ и ‘повелевает, или распоряжается, миром’.

Другой вопрос связан с формой глагола, лежащей в основе слов-ком-позитов такого типа: глагольная основа + именная основа (**Dьrži-mirъ; Kasi-mirъ, Vele-mirъ*), по поводу чего в лингвистике существуют разные точки зрения. Проблема идентификации грамматической формы глагола связана с ее омонимичностью, что позволяет характеризовать ее как форму императива (*держи, вели, владей*), изъявительного наклонения (*держит, велит, владеет*) или как морфологически неопределенную глагольную основу.

Эту проблему Н. Д. Арутюнова рассматривает на материале испанского языка, для которого образование сложных слов с глаголом в качестве первого элемента (тип *el guardabosque*) является продуктивным и который получил широкое распространение (Арутюнова 2007: 153). Ряд исследова-

⁵ Значения имен приводятся по (Топоров 2006: 40, 50, 51, 58, 65).

телей⁶ (*Русская грамматика-80*: 242–243; Lang 1990) считают, что такого рода совпадение с императивом носит формальный характер, поскольку побудительное значение в слове-компоните не улавливается, и характеризуют этот компонент как форму 3-го л. ед. ч. индикатива. Другие лингвисты характеризуют первый компонент словосложений как основу глагола (см., например, Bustos 1986).

Развивая тезис, выдвинутый в рамках понимания этих композитов как третьего лица единственного числа индикатива, Н. Д. Арутюнова обосновывает третью, «императивную» концепцию, которой придерживается она сама, основанную на сохранности внутренней формы, т.е. «близости словосложения к фразеологии — синтаксическим словосочетаниям, оберегающим свой словесный состав» (Арутюнова 2007: 155). Условия возникновения этих композитов согласуются с условиями, когда императивное предложение выступало в роли названия, использовалось как «обращение к лицу, а иногда и к предмету, для их обозначения», обладая функцией персонификации, как в идиоматизированной фразе «Дядя, достань воробышка», которой дети часто дразнят очень высоких мужчин и которая может быть сокращена до сочетания «достань-воробышка» как кличка в назывной функции (ср. также русское шуточное название Астрахани «Разгуляй-город», название иконы «Утоли моя печали»; исп. *correedile* ‘сплетник’ (букв. ‘беги, поймай его и скажи ему’), исп. *hazmerreir* ‘посмешище’ (букв. ‘рассмеши меня’) и т.д.)» (Там же: 156–157). Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что эти примеры соответствуют двум основным вариантам семантических отношений между компонентами сложных слов, когда именной компонент выступает в функции объекта и субъекта действия, выраженного глаголом, и когда существительное выражает лицо или предмет, являющийся как бы «говорящим» (Там же: 157). Эту концепцию развивает Л. Л. Федорова, проводя типологическое исследование слов, образованных по этой модели, в которых императивность выражается и по форме, и по функции: например, рус. *сорвиголова*, *скопидом*, *перекати-поле*, *горицвет*, *болиголов*; императивная модель часто используется в именах героев народных и авторских сказок: у Чуковского *Тянитолкай*, у Маршака *Шалтай-Болтай*, у Гоголя: *Держиморда*, *Неуважай-Корыто* (Федорова 2024: 283–284).

Эти примеры позволяют воспроизвести процесс народного словотворчества (по В. фон Гумбольдту) и акцентируют устно-разговорную природу имен, которые передают в свернутом виде обращение к объекту внеязыковой действительности. Соответственно, выделение императивной формы в такого рода композитах, позволяет интерпретировать эти онимы как слова, «внутренняя форма» которых реализует идею побуждения.

Уточним, что императивные формы, помимо своего основного побудительного значения, могут функционировать и в непрямом употребле-

⁶ Обзор интерпретаций глагольного компонента композитов как третьего лица единственного числа индикатива и как основы глагола см. в (Арутюнова 2007).

нии, реализуя широкий спектр дополнительных модальных оттенков, таких как пожелание, допущение, условие, уступка, предостережение и др. Так, в конструкции *Сколько раз ты ни повторяй слово “халва”, а во рту слаще не будет* императив *повторяй* используется в уступительно-условном значении, демонстрируя отход от прямого побуждения к действию, а императивная форма *Ходи куда хочешь — все равно вернешься*, выражает условно-уступительный характер.

Согласно «императивной» концепции имени *Велимир*, в его структуре выделяется наличие императивного компонента, благодаря чему само имя наделяется активной действующей силой, поскольку говорящий самим фактом своего высказывания стремится каузировать (повлиять, заставить) кого-либо совершить определенное действие, что можно интерпретировать как «авто-императив»: «Вели-мир(у)», т. е. ‘воздействуй на мир с помощью слова’. Имя, таким образом, осмысливается как речевое действие с функцией побуждения, что соотносится с представлением о магической (заклинательной) функции имени в архаических культурах. При этом необходимо учитывать специфику поэтики Хлебникова (и поэтического авангарда в целом), ориентированного на актуализацию полисемии. Хотя в связи с «автоматизацией» и стиранием внутренней формы в современном языке такие имена не воспринимаются как императивы, Хлебников, реализуя собственный принцип «словотворчества как врага книжного окаменения языка» (Хлебников 2005: 172), выстраивает целую парадигму неологизмов с основой **mir*, «деавтоматизируя» и «оживляя» ее. Отметим, что по этой же модели был образован и другой псевдоним Хлебникова: *Волеполк*.

В этом контексте анализ псевдонима требует также обращения к альтернативной этимологической деривации, согласно которой имя *Велимир* восходит к сочетанию лексем *великий* и *мир*. В частности, по данным болгарского ономастикона (Илчев 1969: 105–106), имя Велимир восходит к форме *Вельо*, которая, в свою очередь, производна от прилагательного *велиий* ‘великий’. Следовательно, возможна интерпретация имени как ‘великий в мире’ или ‘несущий великий мир’.

Неологизмы с элементом **mir*

1) «Твори-мир»: идея преобразования мира

Среди неологизмов с элементом **mir* можно выделить группу, объединенную общей семантикой трансформации или перформативного воздействия на действительность, условно обозначаемую как тип «*твори-мир*». Эти неологизмы выражают идею преобразования мира через созидательное действие, что отражается как на их семантике, так и на морфологической структуре. Формально они представляют собой сложные слова-композиции, образованные по модели праславянских онимов с предполагаемой императивной основой первого компонента.

Ладомир

Примеры: Название поэмы «Ладомир» (1920); *Это шествуют творяне, / Заменяши Дэ на Тэ!, / Ладомира соборяне / С Трудомиром на шесте* (Хлебников 2001: 110)

Исследуя возможные источники слова *Ладомир*, В.П. Григорьев называет имена, которые могли быть известны Хлебникову: архиепископ *Ладомер*, местечко *Ладомирова*, род дворян *Ладомирских*. Далее он ссылается на энциклопедию Брокгауза и Ефрона, к которой неоднократно обращался Хлебников и которая содержала статьи о том, что «Владимир-Волынский существовал в 9 в. под именем Ладомира» и статью «Лодомерия», связанную с названием галицко-владимирского княжества в XIII–XV вв., делая вывод, что «косвенным источником неологизма Ладомир могли быть своеобразные результаты процесса опрощения слова Владимир в Угорской Руси» (Григорьев 2000: 333). В корпусе славянских имен В. Н. Топорова также содержится имя *Ладомир*: *Lado-mirъ* (Ладомир, Ладомер) и *Ladimir* — «*ладить мир, ладить лады*; идея лада, слаживания и сама по себе отсылает к внутреннему основанию мира (*миром ладить*; *мир и лад!* вар. *мирком-ладком*) <...> Восходит к праслав. **laditi*; **ladъ*, **lada* с идеей договора-согласия»; далее отмечается и хлебниковское употребление как «вторичное» (Топоров 1996: 43).

Однако вопрос о том, знал ли Хлебников о существовании этого слова, во-первых, остается открытым, поскольку точных указаний пока не было написано, а во-вторых, В. П. Григорьев подробно описывает процесс экспериментального поиска этого «нужного поэту имени», предшественниками которого в творчестве поэта становятся *Людомир* и *Светомир* (Григорьев 2000: 330).

Интерпретируя *Ладомир* как один из важнейших неологизмов в творчестве Хлебникова, охарактеризуем спектр значений, который развивает это слово. Во-первых, в этом слове первый компонент (*ладо*) актуализирует значение гармонизирующего воздействия, ладового ритма, разворачивающегося во времени и пространстве, а второй (*мир*) — объект этого действия, порождающий результат — новый мир. Как пишет В. П. Григорьев, компонент *-мир* в слове *Ладомир* не просто сохраняет «значение Вселенной, Земного шара, человечества», но приобретает под влиянием компонента *Ладо-* значение своего омонима — «отсутствие войны, мирного времени» (Григорьев 2000: 331).

Во-вторых, интерпретация этого неологизма как императива позволяет выявить его активную, каузирующую функцию воздействия на реальность, а в данном случае — стремление гармонизировать мир самим актом творения и употребления слова *Ладомир*.

В другом контексте из рукописей, где противопоставляются *ладомир тела*, *ладомир желудков* и *ладомир духа*, слово *ладомир* «балансирует между именем собственным и нарицательным», переходя «из топоними-

стического класса в общесимволический с широким гармоническим значением» (Григорьев 2000: 332).

В целом этот контекст прочитывается в русле идей о революции духа (ср. с «Четвертым Интернационалом» В. Маяковского), образующим бинарную оппозицию: *Числа суть истинные судьбы слов, языков и тяжб народов друг с другом. Постройка человечества в одно целое, то есть нахождение общего знаменателя для дробей человечества, ладомир тела <который, к сожалению, слишком часто понимался только как ладомир желудков, как многочлен из голода и сытости, возведенных в степени и окруженных скобками, голода, одевшего на себя боевые доспехи уравнений> есть второй шаг. Он невозможен без ладомира духа, то есть одной священной и великой мысли, в которую превращались бы все остальные мысли. Но такая мысль дана нам в числе <...>* (цит. по: Перцова 1995: 190–191).

В основе перехода от нарицательного имени к собственному (или наоборот — прономинации) лежит метафорическая проекция, предполагающая перенос признаков из области-источника в область-цель, как это описано в рамках теории концептуальной метафоры (Lakoff, Johnson 1980). Однако в случае неологизма *Ладомир*, который, как указывает В. П. Григорьев, «балансирует между именем собственным и нарицательным», наблюдается эффект двунаправленной метафоризации. Здесь область-источник и область-цель не четко фиксированы, а находятся в подвижном отношении взаимной интерпретации: символическое имя (*Ладомир*) может восприниматься как топоним, отражающий утопическое пространство, но и как имя нарицательное, обозначающее идею гармонического устройства (*тела, желудков, духа* и т. д.). Таким образом, можно говорить о еще одном значении, связанном с тем, что метафора в данном случае оказывается не линейной, а «взаимообратимой», позволяя смысловым областям взаимно уточнять и переопределять друг друга, создавая неснимаемую полисемию. Подобный эффект описан, в частности, в работах по поэтической ономастике и динамике ономаσιологических переходов.

Будимир

Пример: *Луч из будивремен, из Будимира/Сверкал, как чернила под пером Велимира* (цит. по: Перцова 1995: 389).

Имя *Будимир* допускает многозначную интерпретацию⁷: 1) значение пробуждения или призыва к пробуждению мира, когда глагольный компонент *буд-* может трактоваться как форма императива от глагола *быть*, то есть как побуждение к бытию: ‘будь-мир’; 2) возможно также выстраи-

⁷ Хотя В. Н. Топоров включает имя Будимир в свой корпус, возводя к глаголу «будить» (Топоров: 28), подтверждения того, что Хлебников мог знать это слово, нет, поэтому мы, как и другие исследователи творчества поэта, будем интерпретировать их как неологизмы.

вание иной темпоральной оси, когда глагольный компонент осмысливается как форма будущего времени (*будет*), что задает «футуристическую» перспективу: '(да)-будет-мир'.

Другие имена, создаваемые Хлебниковым, которые можно отнести в эту группу, немногочисленны, в них *mir*- является начальным компонентом: *Миролоуб, Миродел, Миромах*.

2) «Все-мир»: идея единения мира

Всемир(ь)

Пример: *Всемири смеющиеся* [заглавие] (Хлебников) (цит. по: Перцова 1995: 128).

В этом неологизме у Хлебникова выражены все три значения: 1) 'вселенная', обобщенное обозначение целостного космоса, что сближает слово с семантикой чешского *vesmír*; 2) 'покой, мир' как внутреннее состояние или гармоническое равновесие; 3) социальное значение: 'все в мире', 'объединение всех', где местоименный компонент *все* задает антропоморфную перспективу восприятия, а *мир* осмысляется как совокупность людей, как человечество в его единстве.

Вселеномир

Пример: *И Вселеномир зыбил, звучал студными ветками* (цит. по: Перцова 1995: 127).

Неологизм Хлебникова, образованный от ст.-слав. кальки с др.-греч. *οἰκουμένη* 'обитаемая, населенная (земля)', означает: 1) единение, целостность мира; 2) внутренний космос человека, гармонию внутреннего и внешнего мира (ср. с идеей снятия оппозиции между субъектом и объектом в мистерии «Взлом Вселенной», выраженной в метафоре *умный череп вселенной*).

К этой же группе можно отнести хлебниковские неологизмы с префиксом *со-* в значении объединения (*сомир, сомиренец*) и *мирсконца* как единства эсхатокосмогонического цикла.

3) «Я-мир»: идея антропоморфизации мира

Идея имянаречения как миротворения основана на переходе из состояния "безличности" в "личностное" пространство через акт имятворения, что зафиксировано даже терминологически (ср. термин «имя личное»).

Примеры неологизмов Хлебникова, выражающих идею антропоморфизации и персонификации мира: *Я-Мир, теломир, Очимир, Мирович, первомирельщик, миропахарь, мирятник, мирвежий, миролюбница, миролюбийца*.

Как отмечает Р. Ф. Дуганов, *Юноша Я-Мир* — это «кратчайшая формула» хлебниковской эстетики, которая означает, что «лирическое и эпическое в своих высших состояниях слиты до полного неразличения, это две стороны единого целого» (Дуганов 2008).

Развивая идею слияния лирического и эпического, выраженную в неологизме *Я-Мир*, можно выделить в нем значение синтеза объективного и субъективного, индивидуального и множественного, уникального и универсального, монологического и хорового. Кроме того, в нем активизируются оба значения слова *мир* (пространства: *Я клетка волоса или ума большого человека, имя которому Россия* и покоя: *Побеждать, завоевывать, владеть и подчиняться — вот завет моей старой крови*)⁸.

Такое сочетание полнозначного слова с показателем персонального дейксиса приводит к вовлечению *мира* в сферу эгоцентрических слов, что делает его частью дейктического центра. Введение дейктических маркеров в область языкотворчества позволяет говорить об особой поэтической прагматике Хлебникова, где индексальные знаки указывают не только на объекты реальности и знаки невербальной реальности, но и на сам процесс словотворчества.

4) «Текст-мир»: идея метаязыковой организации мира

Примеры: *миро-число, миропись, мироось*.

Данная группа неологизмов представляет собой результат словообразования, в котором компонент *mir-* вступает в продуктивные связи с лексемами, обозначающими прямые (*число, -пись*) или метафорические (*ось мироустройства как текста*) указания на элементы метаязыка. В этих образованиях *мир* функционирует как универсальный концепт, получающий значение организации текста, языка, когнитивных и лингвокреативных процессов.

Основная коммуникативная функция этих неологизмов — метаязыковая, т. е. ориентированная на «код сообщения», когда язык говорит о самом себе и собственной структуре [Якобсон 1987: 203]. Лексемы данной группы могут быть отнесены к сфере т. н. «воображаемой филологии» Хлебникова — особой футуристической модели мышления о языке и мире, в которой текст рассматривается как космогоническая структура, а язык — как творящий принцип, формирующий реальность.

5) «Мера-мир»: идея мира как равновесия и эталона

Примеры: *доломерие Лобачевского <...> тень чужих миров* (Курган Святогора, 1908); *измерение мира* из статьи «Время **мера мира**» (1916); *замірное — замерное* (цит. по Перцова 1995: 150).

В данных образованиях компонент *мир* переосмысливается через призму значения *мера*, что позволяет расширить спектр значений этого концепта

⁸ Весь текст: Юноша Я-Мир. / Я клетка волоса или ума большого человека, имя которому Россия. / Разве я не горд этим? / Он дышит, этот человек, и смотрит, он шевелит своими костями, когда толпы мне подобных кричат «долой» или «ура». Старый Рим, как муж, наклонился над смутной темной женственностью Севера и кинул свои семена в молодое женственное тело. / Разве я виноват, что во мне костяк римлянина? / Побеждать, завоевывать, владеть и подчиняться — вот завет моей старой крови (1908).

как единицы гармонии, баланса и космического порядка. Подобная семантизация основывается на приеме «внутреннего склонения слова» (ср. с *бог — без*) и паронимической аттракции между словами *мир* и *мера* (от лат. *mētiōr* ('мерить'), греч. *μῆτις* ('разум', 'расчёт', 'совет')). Этот поэтический прием сближает *мир* и *меру* как символические формы упорядочивания бытия и знания.

В таком значении *мир* функционирует как эталон, фиксирующий 'определенное, гармонически выверенное состояние', где язык и космос структурируются по аналогии с системой измерения. Эта концептуализация мира как *меры* сближается с античными представлениями о гармонически устроенном космосе (ср. с концепцией «гармонии сфер» Пифагора, значимой для поэта), а в поэтике Хлебникова получает развитие в идее языка как модели и проекции миропорядка, отражающего числовую и смысловую структуру мира. В этом смысле *мир* получает еще одно значение универсальной единицы смыслового и символического измерения.

Выводы

Таким образом, концепт МИР у Хлебникова не только включает разные значения слов-омонимов, но и расширяет полисемию за счет добавления целого спектра новых значений. Основанием для семантического расширения становится экспериментальная работа поэта по созданию новых слов с элементом **mir* и обращение к этимологическим связям и историческим языковым пластам. Движение вглубь языка позволяет возродить утраченные значения слов и выявить связи между разными славянскими языками.

Помимо этимологизации, вскрывающей межъязыковые связи, многочисленные словообразовательные эксперименты поэта с компонентом **mir* выражают ключевые идеи об антропоморфизации МИРА. В славянских языках имена с этим элементом обладали особым значением, связанным со сближением его объектных и субъектных функций: как агенса и как паценса (в зависимости от замены первого и второго элементов (ср. *Мирослав* и *Славомир* или у Хлебникова: *Велимир*, *светомир* и *мироось*, *миропись*). Многозначная интерпретация такого рода слов-композиций (как *Велимир*, *Ладомир* и др.), обусловленная омонимичностью глагольного компонента, позволила выделить в них значение активного воздействия со стороны «словотворца» на мир, побуждение к его трансформации и гармонизации.

Согласно «императивной» интерпретации имени *Велимир*, в его структуре усматривается императивный компонент, который акцентирует каузативный потенциал имени, раскрываемый в форме своеобразного автоимператива: *вели-мир(у)*, то есть 'прикажи миру', 'воздействуй на мир посредством слова'. Имя при этом наделяется перформативной функцией, осмысляясь как речевое действие с функцией побуждения, что соотносится с представлением о магической (заклинательной) функции имени в ар-

хаических культурах. Учитывая установку на актуализацию полисемии, характерную для Хлебникова, семантический анализ псевдонима включает также альтернативную этимологическую деривацию, согласно которой имя *Велимир* восходит к сочетанию лексем *великий* и *мир*, благодаря чему возможна интерпретация имени как ‘великий в мире’ или ‘несущий великий мир’. Сам Хлебников при этом оказывается и ономотетом, дающим имя, и «эвристом», выступающим в роли его активного интерпретатора. При анализе неологизмов (*Ладомир*, *Будимир*, *Всемир* и др.) были выделены новые значения концепта МИР, связанные с преобразованием, единением, антропоморфизацией, метаязыковой организацией и равновесием.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Нина. *Проблемы морфологии и словообразования: (На материале испанского языка)*. Москва: Языки славянских культур, 2007.
- Бирюков Сергей. «Недостижимый Хлебников». *Зборник Майице срѣске за славистику* 107 (2025): 77–82.
- Большой толковый словарь русского языка*. [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BC%D0%B8%D1%80&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BC%D0%B8%D1%80&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения 11.07.2025)
- Головацкий Я. «Червонорусская литература» *Поэзия славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведенийъ славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей*. Санкт-Петербургъ, 1871. http://az.lib.ru/g/golowackij_j_f/text_1871_chervono_russkaya_lit_oldorfo.shtml (дата обращения 11.07.2025)
- Григорьев Виктор. *Будетлянин*. Москва: Языки русской культуры, 2000.
- Григорьев Виктор. *Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958–2000-е годы*. Москва: Языки славянских культур, 2006.
- Даль Владимир. *Толковый словарь живого великорусского языка (Толковый словарь Даля онлайн)*. <https://slovardalja.net/word.php?wordid=2788> (дата обращения 11.07.2025)
- Дуганов Рудольф. «Проблема эпического в эстетике и поэтике Хлебникова». Дуганов Р.В. *Велимир Хлебников и русская литература*. Москва: Прогресс-Плеяда, 2008: 29–62.
- Илчев, Стефан. *Речник на личните и фамилни имена у българите*. София: Българска академия на науките, 1969.
- Парнис Александр. «Южнославянская тема Велимира Хлебникова. Новые материалы к творческой биографии поэта». *Зарубежные славяне и русская культура*. Ленинград, 1978: 223–251.
- Парнис Александр. «“Не юбилейте!”: небольшой рассказ о Хлебникове и об одном мемуаристе. Зная 4 (2023) <https://znamlit.ru/publication.php?id=8641> (дата обращения 11.07.2025)
- Перцова Наталья. *Словарь неологизмов Велимира Хлебникова*. Вена; Москва: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40, 1995.
- Русская грамматика* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Том I. Москва: Наука, 1980.
- Соколова Ольга. «Концепции “вселенского” и “универсального” языка в русском и американском авангарде». *Критика и семиотика* 22 (2015): 268–283.
- Соколова Ольга. «Диалог лингвистики и поэтического авангарда в начале XX века: эксперименты с универсальным языком». *Слово.ру: балтийский акцент* 14/2 (2023): 8–29.
- Степанов Юрий. *Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва: Языки русской культуры, 1997.
- Топоров Владимир. *Исследования по этимологии и семантике*. Т. 2. Кн. 2. Москва: Языки славянских культур, 2006.
- Федорова Людмила. «Люди и вещи обыденного мира в сложных словах (еще раз о модели *guardabosque*)» *Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой*. Москва: Канцлер, 2024: 280–289

- Фещенко Владимир. *Язык в языке: Художественный дискурс и основания лингвоэстетики*. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 368 с.
- Хлебников Велимир. *Собрание сочинений*. В 6 томах. Т. 2: Стихотворения 1917–1922. Москва: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001.
- Хлебников Велимир. *Собрание сочинений*. В 6 томах. Т. 3: Поэмы 1905–1922. Москва: ИМЛИ РАН; Наследие, 2002.
- Хлебников Велимир. *Собрание сочинений*. В 6 томах. Т. 6, кн. 1: Статьи (наброски). Ученые труды. Возвращения. Открытые письма. Выступления. 1904–1922. Москва: ИМЛИ РАН; Наследие, 2005.
- Шишкин Андрей. «"Велимир": об имени Хлебникова. *Europa orientalis* 15 (1996) URL: https://ka2.ru/nauka/chichkine_2.html#r48 (дата обращения 11.07.2025)
- Bustos Gisbert E. *La composición nominal en español*. Salamanca, 1986.
- Lakoff George, Johnson Mark. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Lang Mervyn F. *Spanish Word Formation*. London: Routledge, 1990.
- Sokolova Olga, Feshchenko Vladimir. «Eugene Jolas and the Revolution of Language». *Music, the Avant-Garde, and Counterculture: Invisible Republics*. Palgrave Macmillan LTD, 2024: 83–96.

REFERENCES

- Arutyunova Nina. *Problemy morfologii i slovoobrazovaniya: (Na materiale ispanykogo yazyka)*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007.
- Biryukov Sergey. «Nedostizhimyy Khebnikov». *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 107 (2025): 77–82.
- Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BC%D0%B8%D1%80&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BC%D0%B8%D1%80&mode=slovari&dicts[]=42) (data obrashcheniya 11.07.2025)
- Bustos Gisbert E. *La composición nominal en español*. Salamanca, 1986.
- Dal' Vladimir. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka (Tolkovyy slovar' Dalya onlayn)*. <https://slovardalja.net/word.php?wordid=2788> (data obrashcheniya 11.07.2025)
- Duganov Rudol'f. «Problema epicheskogo v estetike i poetike Khebnikova». Duganov R. V. *Velimir Khebnikov i russkaya literatura*. Moskva: Progress-Pleyada. 2008: 29–62.
- Fedorova Lyudmila. «Lyudi i veshchi obydenного mira v slozhnykh slovakh (eshche raz o modeli guardabosque)» *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyk i mir. K stoletiyu so dnya rozhdeniya Niny Davidovny Arutyunovoy*. Moskva: Kantsler, 2024: 280–289
- Feshchenko Vladimir. *Yazyk v yazyke: Khudozhestvennyy diskurs i osnovaniya lingvoestetiki*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 368 s.
- Golovatskiy Ya. «Chervonnorusskaya literatura» *Poeziya slavyan. Sbornik luchshikh poeticheskikh proizvedeniy slavyanskikh narodov v perevodakh russkikh pisateley*. Sankt-Peterburg, 1871. http://az.lib.ru/g/golowackij_j_f/text_1871_chervono_russkaya_lit_oldorfo.shtml (data obrashcheniya 11.07.2025)
- Grigor'ev Viktor. *Budetlyanin*. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 2000.
- Grigor'ev Viktor. *Velimir Khebnikov v chetyrekhmernom prostranstve yazyka. Izbrannye raboty. 1958–2000-e gody*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006.
- Ilchev, Stefan. *Rechnik na lichnite i familni imena u b"lgarite*. Sofiya: B"lgarska akademiya na naukite, 1969.
- Khebnikov Velimir. *Sobranie sochineniy*. V 6 tomakh. Т. 2: Stikhotvoreniya 1917–1922. Moskva: IMLI RAN; Nasledie, 2001.
- Khebnikov Velimir. *Sobranie sochineniy*. V 6 tomakh. Т. 3: Poemy 1905–1922. Moskva: IMLI RAN; Nasledie, 2002.
- Khebnikov Velimir. *Sobranie sochineniy*. V 6 tomakh. Т. 6, кн. 1: Stat'i (nabroski). Uchenye trudy. Vozzvaniya. Otkrytye pis'ma. Vystupleniya. 1904–1922. Moskva: IMLI RAN; Nasledie, 2005.
- Lakoff George, Johnson Mark. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Lang Mervyn F. *Spanish Word Formation*. London: Routledge, 1990.

- Parnis Aleksandr. «Yuzhnoslavyanskaya tema Velimira Khlebnikova. Novye materialy k tvorcheskoy biografii poeta». *Zarubezhnye slavyane i russkaya kul'tura*. Leningrad, 1978: 223–251.
- Parnis Aleksandr. «"Ne yubileyte!": nebol'shoy rasskaz o Khlebnikove i ob odnom memuariste. *Znamya* 4 (2023) <https://znamlit.ru/publication.php?id=8641> (data obrashcheniya 11.07.2025)
- Pertsova Natal'ya. *Slovar' neologizmov Velimira Khlebnikova*. Vena; Moskva: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40, 1995.
- Russkaya grammatika* / Pod red. N. Yu. Shvedovoy. Tom I. Moskva: Nauka, 1980.
- Shishkin Andrey. «"Velimir": ob imeni Khlebnikova. *Europa orientalis* 15 (1996) URL: https://ka2.ru/nauka/chichkine_2.html#r48 (data obrashcheniya 11.07.2025)
- Sokolova Ol'ga. «Kontseptsii "vselenskogo" i "universal'nogo" yazyka v russkom i amerikanskom avangarde». *Kritika i semiotika* 22 (2015): 268–283.
- Sokolova Ol'ga. «Dialog lingvistiki i poeticheskogo avangarda v nachale KhKh veka: eksperimenty s universal'nym yazykom». *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* 14/2 (2023): 8–29.
- Sokolova Olga, Feshchenko Vladimir. «Eugene Jolas and the Revolution of Language». *Music, the Avant-Garde, and Counterculture: Invisible Republics*. Palgrave Macmillan LTD, 2024: 83–96.
- Stepanov Yuriy. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya*. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1997.
- Toporov Vladimir. *Issledovaniya po etimologii i semantike*. T. 2. Kn. 2. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006.

Олга Соколова

КОНЦЕПТ МИР У ПЕСНИЧКОМ ЈЕЗИКУ ВЕЛИМИРА ХЛЕБЊИКОВА

Резиме

У чланку се истражују творбени експерименти Хлебњикова, који су у вези са стварањем у његовом опусу веома честих неологизама с компонентом **mir*. Разматрају се различити приступи етимологији имена *Велимир* и нуди се додатна интерпретација његовог имена као сложене речи, чија се особеност огледа у почетној позицији глаголске компоненте у граматичком облику императива, што омогућава да се истакне, с једне стране, утицајна, узрочна, а с друге, хеуристичка функција његовог имена. То се доводи у везу с чињеницом да је његово творење имена део песничког естетичког програма, у коме сам иступа у улози и ономотете, и „хеуристе“-интерпретатора. У чланку се даје систематизација јединица с компонентом **mir* у зависности од њихове семантичке и прагматичке специфике. Издвојене су следеће групе јединица: «твори-мир» (срп. „стварај-свет“), с идејом метајезичке организације света и «мера-мир» (срп. „мера-свет“) с идејом света као равнотеже и еталона. Систематизација ових јединица дала је могућност да се открије широк спектар нових значења речи *мир* у Хлебњиковљевом стваралаштву.

Кључне речи: полисемија, неологизација, сложене речи, императиви, песничка авангарда, Хлебњиков.